

Следовики

И. Д. Маланин,

историк,
действительный член
Географического общества
АН СССР

1968 год. В зале краеведческого музея г. Калинин посетители недоверчиво осматривают новый экспонат — обычный серый валун с необычными высечками на нем. Рядом на табличке написано: «Камень-следовик (местное название — «божья ножка»). Находился у деревни Меглино Пеновского района. Доставлен экспедицией музея в октябре 1968 г. На камне выбито изображение правой стопы человека. Датировка и значение изображения неясны. По-видимому, оно имело культовый (религиозный) характер...»

1981 год. Старший научный сотрудник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника Т. Л. Верхурובה сообщает: «Гробовой камень», лежащий между деревнями Данилово и Клевичи, решением облисполкома от 28 июня 1971 г. № 364 взят под охрану государства. ...На территории Демянского района есть еще один камень со знаком у д. Глебовщина. Это плоский валун подтреугольной формы с выбитым углублением.

Вопрос о перевозке этих памятников в музей в ближайшее время будет решен положительно. Они, вероятнее всего, будут экспонироваться в музее деревянного зодчества «Витославлицы».

1984 год. Директор Ворошиловского краеведческого музея Пеновского района Калининской области И. И. Смирнов пишет автору этих строк, что в музей доставлен валун с выбитым следом лапы какого-то зверя...

Что же это за камни, поисками и изучением которых стали не так давно заниматься работники музеев, археологи, этнографы и краеведы?

В XIX — начале XX столетия, когда, как известно, повысился интерес к краеведению и сбору древностей, в императорские Археологическую комиссию, Академию художеств, Археологическое общество и другие подобные учреждения России поступали сообщения о различных исторических памятниках, находимых населением на местах: курганах, жальниках, древних городищах, кладах, каменных изваяниях, находках отдельных старинных предметов и т. п. Среди такого рода информации попадались известия и о камнях со странными знаками, неизвестно кем, когда и зачем высеченными на них. Российский историк Н. М. Карамзин в своей знаменитой «Истории государства Российского» счел даже необходимым упомянуть эти камни: «Памятником каменосечного искусства древних славян остались боль-

шие гладкие обделанные плиты, на коих выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.»¹.

Так, например, в Академию художеств однажды поступило сообщение священника с. Хитицы Осташковского уезда Андрея Дюкова о большом камне, на котором якобы выбиты крест, лосиный рог и медвежья лапа.

В этом же уезде, вблизи д. Замошье, один крестьянин в 1880 г. нашел валун с изображением «на подобие кочережек, вил, костьюлей с крюками наверху, трезубцев и серпов».

Естественно, известия о валунах с рисунками неясного значения стали иногда отражаться в краеведческой литературе, в трудах археологических обществ и съездов. Наиболее примечательны в этом отношении изданные работы Н. Янчука (1889 г.), Ф. Покровского (1893, 1895 гг.), Е. Романова (1898 г.), Ф. Ушакова (1898 г.), В. Плетнева (1903 г.), Н. Окулич-Казарина (1914 г.) и других авторов. Однако поступающая от местного населения информация о камнях с загадочными знаками почти никогда не проверялась исследователями на местах.

Одним из первых отечественных краеведов, у кого возникла идея собирать такие валуны, был декабрист, поэт и публицист Ф. Н. Глинка, сосланный в 1830 г. за свою активную деятельность в Тверскую губернию. В собственном имении Кузнецово Бежецкого уезда он создал нечто вроде музея под открытым небом. В парке около усадьбы постепенно накапливались камни, так или иначе заинтересовавшие ее хозяина. Среди них попадались экземпляры с изображениями как естественного, природного, так и искусственного происхождения. Большую часть своей коллекции Ф. Н. Глинка описал в статье «Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии в Бежецком уезде», опубликованной в первом томе «Русского исторического сборника» за 1837 г.

Некоторые камни из собрания Ф. Н. Глинки были настолько любопытны, что вызвали оживленные дискуссии русских и зарубежных ученых. Острые споры разгорелись по поводу так называемого «Степана» — камня с рисунком в виде лабиринта и надписью, от которой валун, также найденный в Бежецком уезде, получил свое название. Датский профессор Финн-Магнусен считал надпись на этом камне греческой. Но русский исследова-

тель В. А. Плетнев прочитал ее как «Степан». Он же выдвинул предложение, что «Степан» мог относиться к разряду межевых (пограничных) камней, поскольку изображение на нем было, по-видимому, знаком собственности на землю.

Имелись в коллекции Ф. Н. Глинки и другие странные валуны. Вот как он описывал один из них: «...Черный камень небольшой в объеме, но весьма тяжеловесный, обвит весь разнообразно как бы тесьмою или лентою, на нем же выпукло иссеченною. На одном конце этого камня яв-

виде стрелы или копыя. Ссылаясь прежде всего на Библию и иностранную литературу, А. Савельев определяет плиту, а равно и прочие известные ему валуны со знаками, как пограничные камни, а сами знаки — как символы собственности.

Чаще всего на отдельных валунах, попадавшихся в самых неожиданных местах, встречались выбитые следы человеческих ног или антропоморфных существ. В одних случаях местные жители называли их «чертовыми следами», «следами дьявола» и т. д., в других — «божьими ножками»,

Уникальный следовик в Боровичском районе Новгородской области: длинный, неестественный след как бы опоясывает камень, проходя под землей, и почти упирается носком в пяту другого следа, имеющего более реальные размеры

твенно иссечена стопа как бы обутого человека (ибо виден каблук и след); на другом противоположном: узел с раскинутыми концами. Средине вся опутана часто-пресекающимися выпуклыми линиями. Весь камень имеет вид спеленатой мумии»². Нескольким таким камням, в том числе и камень «Степан», Ф. Н. Глинка передал в Тверской музей. К сожалению, по-видимому, в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. они пропали, и дальнейшая судьба их неизвестна.

Известия о находках валунов с выбитыми на них следами птиц, зверей и человека, «отпечатками» рук и подков, крестами различных типов, углублениями в виде чаш, точек и других непонятных знаков продолжали удивлять историков и краеведов. Никто не мог точно сказать, какое назначение имели камни, тем более письменных источников с ответом на этот вопрос найдено не было.

В 1878 г. попытку осмыслить значение камней со знаками предпринял А. Савельев в работе «Остатки старинного межевания в России». Основным поводом для написания статьи послужила найденная в ставерстах от С.-Петербурга, около д. Плешевичи, каменная плита с изображением в

«следами Христовыми», «стопами богородицы». Если первые пользовались дурной славой и населением всегда обходились, то последние были в почете. Считалось, что вода из «божьих следков» является целебной, помогает излечивать всяческие болезни. В XIX в., а кое-где и в наши дни, этнографами и краеведами наблюдались обряды, во время которых местные жители приносили к таким валунам своеобразные дары: лепешки, яйца, шерсть, деньги и др.

Камни со следами выявлялись не только в России, но и далеко за ее пределами.

В 1907 г. в Варшаве была издана книга Максимилиана Баруха «Божьи стопки», в которой собраны сведения, включая предания и легенды, о высеченных на камнях человеческих стопах в странах и государствах чуть ли не всех континентов. В этой связи автор также отмечает Галицию, Волынь, Украину, Белоруссию, Литву, Туркестан. Тем не менее, хотя М. Барух ставил целью собрать в своем труде все данные о «божьих стопах» не только в Польше, но и в остальных странах, у него это не получилось, так как в книге почти отсутствуют данные о подобных памятниках, предоставленные, например, у названных выше русских и белорусских исследовате-

лей и краеведов, чьи материалы изданы намного раньше. Из всех приводимых в книге предположений относительно назначения валунов со стопами наиболее существенное то, согласно которому следы на камнях, находимых в Польше, были стопами языческих богов. Сам М. Барух, однако, обращает внимание на то, что это предположение не объясняет первоначального значения выбитых на камне следов человека.

Таким образом, в России и особенно за рубежом изучение отдельных камней с редкими, единичными изображениями шло крайне медленно и лишь периодически, в подавляющем большинстве без обследования на местах.

Спустя двадцать лет после выхода в свет книги М. Баруха «Божьи стопы» к вопросу о валунах с загадочными рисунками в Белоруссии вернулся М. Мялешка

ными и прочно вошло в современную научную и популярную литературу. Основные работы С. Н. Ильина «Камни-следовики» в верховьях Волги и Западной Двины» и «Камни-следовики» остались неизданными. Правда, свои догадки о назначении следовиков краевед изложил в ряде своих газетных статей и заметок, а также в интервью, опубликованном в газете «Социалистическая индустрия» от 23 апреля 1983 г. Предложение С. Н. Ильина сводится к тому, что камни с высеченными рисунками использовались в старину как знаки собственности на ту или иную территорию, то есть являлись порубежными вехами.

Но в 1965 г. советский историк А. А. Формозов обратил внимание на то, что поклонение камням со следами было распространено еще в первобытную эпоху, как о том свидетельствуют мифы и легенды

Валу с углублением в виде следа человеческой ноги находится на Домашней горе в Белогорском районе Калининской области

в своей статье «Камень в верованиях и преданиях белорусов» (1928 г.), сообщавшей об изображениях подков, сабли, пистолета, молотка, ножниц и т. п. предметах на камнях. Но самым распространенным изображением на территории Белоруссии была опять-таки стопа человеческой ноги!

Еще через тридцать лет уже в Вильнюсе издается книга замечательного краеведа П. Т. Тарасенка «Следы на камнях» (1958 г.) о легендарных валунах Литвы, среди которых, конечно, не последнее место занимали и камни со стопами.

На территории РСФСР поиском и изучению эрратических валунов с изображениями положил начало ныне хорошо известный краевед С. Н. Ильин. Первый такой камень с крестом, вилообразным знаком и углублением в виде стопы он осмотрел в 1945 г. близ д. Новая в Калининской области³. Затем, используя данные дореволюционных краеведческих трудов, информацию и помощь местного населения, С. Н. Ильин отыскал, осмотрел и описал в Ленинградской, Новгородской, Калининской, Псковской, Вологодской, Смоленской областях свыше 25 валунов с разнообразными изображениями. Он же предложил им красивое название — СЛЕДОВИКИ, которое было потом принято уче-

народов многих стран. А потому следовики нельзя связывать с позднейшим осмыслением пограничных камней религией классового общества⁴.

В самом деле, не могли же камни с выбитыми следами, распространенные чуть ли не по всему земному шару, везде играть первоначально роль пограничных или межевых знаков. Никак, например, не увязывается углубление в виде следа, с одинаковым успехом приписываемого и Будде, и Адаму, и Шиве, и Саману, с давних времен и до сих пор существующее на пике Адама в Шри-Ланке, со знаком территориальной собственности. То же самое можно сказать о «стопе Будды» на мандайском холме в Бирме, «отпечатках» ног Будды около храма Сваямбхунатх в Непале, «отпечатках» ступней Христа в Иерусалиме и т. д.

Итак, если первоначальное значение следовиков состояло не в принадлежности к указателям собственности на территорию, то в чем тогда?

Мало кто знает, что недалеко от знаменитого храма Кааба в Мекке, где арабы поклонялись и поклоняются своему высшему божественному символу — священному черному камню, лежит белый валун с углублением в форме стопы человека,

тоже представляющий объект поклонения. Согласно легенде, на камне стоял сам Авраам (Ибрагим), являвшийся отцом не только всех евреев, но и арабов.

Француз Пьер Доминик Гасо, описывая свое путешествие по Африканской Гвинее в книге «Священный лес» (1963 г.), упоминает на холме близ д. Тувелеу след ноги на камне. Местные жители считают его принадлежащим основателю Тувелеу, предку Оку.

Связь изображений следов на камнях с каким-нибудь обожествленным мифическим или реальным пращуром прослеживается во многих случаях не только в зарубежных странах, но и на территории СССР.

Одно из самых ранних упоминаний о следовидном углублении в скале относится к V в. до нашей эры. В своей «Истории» древнегреческий ученый Геродот, отражая

«божьем следом» близ д. Медведево Бологовского района Калининской области. Полагаю, не случайно возвышенность, где находится сей камень, местное население называет Домашней горой.

На некоторых следовиках помимо стопы человека встречаются изображения, вероятно, представляющие собой мужские и женские символы плодородия, имевшие большое значение у древних народов. Иногда подобные символы выбивались на камнях и отдельно, то есть без стоп человека или следов животных.

Все это заставляет видеть в следовиках памятники глубокой старины, относящиеся к культуре предков (во всяком случае, первоначально), довольно распространенному у первобытных людей. Принося жертву камню с высеченной на нем стопой, люди просили у своего обожествленного предка удачной охоты, хорошего урожая,

Рисунки на «Щеглице» под Новгородом

собственные странствия по Скифии, писал: «В скале у реки Тираса местные жители показывают отпечаток ступни Геракла, похожий на след человеческой ноги в 2 локтя. Таков этот след»⁵. Заметим, скифский Геракл, по мифологии, тоже был родоначальником.

По поверьям мордвы, следы на камнях оставляла Анге-патяй, главное божество — мать всех прочих богов, когда сходила с неба на землю.

В легенде об основании Хетага, приведенной Джантемиром Шанаевым в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (1870 г.), говорится о большом камне со следовидным углублением, оставленным Хетагом — основателем одноименного аула, предком хетагуровцев.

Русский историк и фольклорист А. Н. Афанасьев в свое время отмечал, что «нога, которая приближает человека к предмету его желаний, обувь, которую он при этом ступает, и след, оставленный им на дороге, играют весьма значительную роль в народной символической», указывая, что «в народных гаданиях и приметах нога и обувь вещают о выходе из отеческого (выделено мною. — И.М.) дома...»⁶.

В 1983 г. автором этих строк совместно с В. С. Макарецвым обследовался валун с

избавления от болезней. Со временем обожествленных предков заменяли другие божества, чьи образы могли воплощаться в тех же стопах. Проходили века, но следовики как объекты культа, поклонений продолжали служить населению. С насаждением на Руси христианства церковники стали приспосабливать языческие атрибуты для своих нужд. Вот почему следовики можно до сих пор наблюдать кое-где в костелах, часовнях и церквях, вот почему они получали названия «следов Христовых», «стоп богородицы» и т. п.

Так или иначе, но следовики и другие камни с древними изображениями представляют чрезвычайно ценные и интересные памятники старины, изучение которых, по сути дела, только начинается. С ними связано много загадок. Почему, например, в одних случаях высекались малые (детские) стопы, а в других — большие, чуть ли не гигантские следы? Почему, скажем, изображались следы как пятипалые, так и беспалые, а то и в обуви? Почему, наконец, на одних валунах выбивалась только правая стопа, а на других — левая?

Как видим, вопросов много. Но пока удастся окончательно расшифровать таинственные знаки — пройдет не один год.

Сейчас же остро стоит проблема выявления и сохранения описываемых памятников. Дело в том, что лишь в последнее время они получили признание как памятники, имеющие историческую ценность. Еще недавно о них мало кто знал даже из археологов, этнографов и музейных работников, поэтому, выезжая на полевые работы, специалисты не ставили целью их поиски, паспортизацию, охрану, а иногда просто игнорировали как сомнительные объекты.

Естественно, многие памятники такой категории по целому ряду причин до наших дней не сохранились и навсегда утрачены для науки. Казалось бы, оставшиеся, хотя бы только известные, надо всеми силами сохранить от порчи и разрушения природными факторами и особенно человеком, как это ни странно. Но не везде работники музеев вдумчиво относятся к такому важному делу, мало проводят разъяснительную работу среди населения.

Заострим внимание на нескольких примерах.

Недалеко от Новгорода, близ с. Мытно, лежит громадный валун «Щеглец», получивший известность благодаря гравировкам, выполненным на нем древним художником. В комплекс изображений «Щеглеца» входят кисти рук, одна из которых с укороченным большим пальцем, стопы ног и солярный знак. Редчайшие рисунки осматривали советские исследователи С. Н. Орлов, М. М. Аксенов, С. Н. Ильин, А. А. Формозов и другие, сделавшие заключение о бесценности накамennых гравировок. Аналогий им в лесной полосе европейской части СССР пока больше не найдено.

В 1978 г., изучая на месте «Щеглец», автор этой статьи столкнулся с фактом невежественного отношения к редкому памятнику. Рисунки на валуне были кем-то выделены стойкой белой краской и «дополнены» точками и чертами, не наблюдавшимися ранее. Вот почему снимок гравировок на «Щеглеце», сделанный в 1957 г. С. Н. Ильиным, следует считать уже уникальным. Нетрудно догадаться, что «доработка» рисунков проводилась не одним человеком, а какой-то группой, имевшей раскраску специально. Сомнительно, чтобы эта группа могла остаться незамеченной местными жителями или представителями сельсовета. Другое дело — предупредить горе-туристов об ответственности.

Сильно попорчен туристами и дачниками редкий следовик, имеющий пять или даже шесть изображений (1), находящийся в д. Новосел Демянского района Новгородской области, давно известный, благодаря С. Н. Ильину, работникам Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Спрашивается: неужели нельзя этот камень доставить в музей, где он был бы под более надежной охраной и более доступен для обозрения? Если «Щеглец» практически невозможно транспортировать на территорию музея, то следовик в д. Новосел из-за малых размеров вполне подходит для перевозки.

Не все, конечно, следовики и другие камни с рисунками или знаками следует доставлять в музей. Здесь надо учитывать

целесообразность и возможности. Для музейных экспозиций надо подбирать наиболее интересные, уникальные валуны с изображениями, имеющие сравнительно небольшие размеры, а также камни, подвергающиеся порче, чтобы спасти их от окончательного разрушения. Те памятники, которые остаются на местах, необходимо обозначать указателями с названием памятника, что он взят под охрану государства. Такая постановка вопроса имеет распространение в Прибалтике, где валуны как памятники истории и культуры или памятники природы снабжаются такими указателями. Почему же такой положительный опыт нельзя применить в остальных регионах страны?

Кстати, именно прибалтийские издательства впервые взяли на себя смелость публикации в путеводителях и массовой краеведческой литературе снимков следовиков и других культовых камней⁷, что способствует охране памятников такого рода. Центральные же издательства, если и публикуют материалы, где кратко упоминаются следовики, то снимков не приводят⁸. Поэтому у читателей складывается лишь смутное представление о пока малоизвестных памятниках культуры наших предков — следовиках.

Положительный пример в выявлении, охране, изучении валунов с изображениями показывают сотрудники Псковского музея-заповедника. Археологом А. А. Александровым и другими работниками музея зафиксировано на 1983 г. не менее 67 культовых камней. Аналогичные поиски ведут археологи в Прибалтике и Белоруссии.

Цель нашей статьи — ориентировать на поиски следовиков не только сотрудников музеев страны, краеведов, но и работников местных отделений ВООПИиК, так как сохранить вновь открытые памятники древности типа следовиков и камней с высеченными на них рисунками и знаками — задача современников.

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Спб., 1818. С. 67, 68.

² Глинка Ф. Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом Истории и Древностей Российских». Т. 1. Кн. 2. М., 1837. С. 16.

³ См.: Ильин С. Н. Новый эпиграфический памятник XII в. в верховьях Волги // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. Т. XVII, 1947. С. 179—181.

⁴ См. Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики // Сов. этнография. 1965. № 5. С. 136.

⁵ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. С. 208.

⁶ Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1982. С. 31, 32.

⁷ См.: Шалуга Р. Кернаве. Вильнюс, 1960. С. 17 (на литов. яз.); Кирсс О. Кунда. Таллин, 1981. С. 47; Вяльля Э. Энно. Земля у моря. Таллин, 1985. С. 24, 27, 28, 29, 31, 75 (на эст. и рус. яз.); Он же. Хийумаа. Таллин, 1987. С. 15, 25 (на эст. и рус. яз.).

⁸ См.: Музеи Верхневолжья: Путеводитель / Сост. М. Я. Майстровский. М., 1981; Исаков В. З. Озеро Седигер: Путеводитель. М., 1985; Памятники истории и культуры Калининской области: Путеводитель / Сост. Э. А. Шулепова. М., 1988. (Исключение составляют книги: Галашевич А. Торонец и его окрестности. М., 1972; Попов А. С. В поисках Дивьего камня. М., 1981, а также некоторые статьи и заметки в периодической печати, где иногда все-таки публикуются фотографии следовиков. См. например: Попов А. Тайны каменных знаков // Наука и жизнь. 1964. № 6; Малахин И. Таинственные следы // Огонек. 1982. № 12 и др.).